

бающее ей место. Благодаря этим философам Рикёр приобщается к французской рефлексивной традиции, ведшей, с одной стороны, к Эмилю Бутру, Феликсу Равессону и, далее, к Мен де Бирану, с другой — к Жану Наберу, влияние которого на Рикёра станет особенно заметным в 50-е годы.

В 1934–1935 годах Поль Рикёр продолжает обучение в Париже, в Сорбонне, что, по его признанию, стало для него, провинциала, решающим во многих отношениях. Здесь его наставниками были именитые профессора: эллинист Л.Робэн, историк философии А.Брейе, философ Л.Брюнsvик. Это время отмечено важными для него событиями. Товарищ по агрегации¹ М.Шастэн ввел Рикёра в среду мыслителей, объединившихся вокруг Габриэля Марселя; он стал участником знаменитых марселевских «пятниц», которые оставят в нём неизгладимое впечатление:

«Каждый из нас лично приобщался к сократическому методу, применение которого мы видели в уже опубликованных трудах Г.Марселя, в частности в его работе “Онтологическое таинство и конкретное приближение к нему”» (Ricœur P. Réflexion faite. P. 16).

Благодаря Марселю и его «пятницам» Рикёр познакомился с основными положениями философии К.Ясперса; тогда же Шастэн дал ему английский перевод гуссерлевских «Идей». В 1998 г. Рикёр скажет, что знакомство с христианским (по определению философа, «духовным») экзистенциализмом Марселя и Ясперса, а затем с феноменологией Гуссерля оказалось решающим для формирования его мировоззрения.

В 1930-е годы Рикёр испытывает влияние «борющегося мышления» философа-персоналиста Э.Мунье и его журнала «Esprit». Позже, в книге «История и истина», он назовет Мунье своим наставником:

«Философско-христианская ориентация Мунье была мне близка... у Мунье я учился связывать духовные устремления с принятием политической позиции» (Ricœur P. Réflexion faite. P. 18).

Понятие личности, разрабатываемое французским персонализмом, сыграет существеннейшую роль при выборе Рикёром собственного предмета исследований: концепция человека, являющаяся центром философских исканий мыслителя, стала в определённой мере продолжением, развитием и обновлением персоналистского учения о личности.

Интерес к персонализму привёл Рикёра к знакомству с русской философией — с учениями С.Булгакова, Н.Бердяева. С Бердяевым Рикёр был знаком лично, слушал его лекции в Париже. Самым значительным русским философом он считал Ф.М.Достоевского:

«Преступление и наказание» заставило меня задуматься о проблеме зла» (Cит. по: Dosse F. Paul Ricœur. Le sens d'une vie. P., 1997. P. 18).

Серьёзным было и воздействие на Рикёра идеей Андре Филипа, теолога-экономиста и правоведа социалистической ориентации, одного из корреспондентов персоналистского журнала «Esprit». В учении Филипа Рикёра привлекало то, что тот придавал вовлечению (engagement) более выраженную, чем у Мунье, политическую ориентацию, соединял теологическую аргументацию, отмеченную влиянием К.Барта, и компетентность превосходного экономиста социалистических взглядов; при этом Филип видел в социализме прежде всего «ответ на вопрос о достоинстве и самоуважении личности, а уж потом выбор в пользу материального благополучия»². В предвоенные годы влияние Филипа было даже сильнее, чем воздействие Мунье:

«Концепция вовлечения, сформулированная Мунье, не вполне ясно говорила о связи между мышлением и действием. Андре Филип, как мне казалось, придавал вовлечению вполне основательную и чёткую политическую окраску» (Ricœur P. Réflexion faite. P. 19).

«Под влиянием Андре Филипа я искренне поддерживал социалистические идеи» (Ricœur P. La critique et la conviction // Azouvi F., Lamy M. La critique et la conviction. P., 1995. P. 23).

Увлечённый социалистическими идеями Маркса, Филипа, бельгийского социолога А. де Мана (автора книги «По ту сторону марксизма», 1926), Рикёр пытался объединить идеи социализма и протестантизма, избегая часто практикуемого христианскими социалистами смешения социализма с Евангелием. В этом плане на начинающего философа большое впечатление произвели идеи швейцарского протестантского теолога К.Барта, пытавшегося возродить евангелическую теологию, основывающуюся на учениях Лютера и Кальвина.

К этому же времени относится знакомство Рикёра с феноменологией Гуссерля. Поначалу Рикёр не ощутил принципиальной противоположности между позициями Марселя и Гуссерля, ему бросалась в глаза лишь разница стилей философствования, у Гуссерля — строгого, концептуального, у Марселя — более интуитивного. Рикёра привлекало общее намерение мыслителей — идти к конкретному. Только со временем он осознает, что эти учения принадлежат разным традициям.

Лето 1935 года — важная веха в жизни П.Рикёра: успешная сдача конкурсных экзаменов на ученое звание агреже и начало преподавательской деятельности; женитьба на подруге детства Симоне Лежа. За четыре года до начала Второй мировой войны Рикёр начинает

углубленное изучение немецкого языка и принимается за штудирование трудов Гуссерля и Хайдеггера. Война застала его в Мюнхене, где он совершенствовался в знании немецкого языка. Офицером французской армии Рикёр попадает в плен; но и в заключении философ не оставляет своих занятий, хотя единственное, что он мог тогда делать, это читать работы немецких мыслителей: «...кого-то из них перечитывал, но многих и открывал для себя. Прежде всего Хайдеггера»³.

Вместе с Микелем Дюфреном, впоследствии известным философом и эстетиком феноменологической ориентации, Рикёр изучал труды К.Ясперса, в том числе его трехтомную «Философию» (результатом совместной работы явилась книга двух авторов «Карл Ясперс и философия существования»⁴). В плену он начинает работу над книгой «Волевое и непроизвольное», ставшей его докторской диссертацией, и над переводом на французский язык первого тома «Идей» Гуссерля (работа велась тайно, поскольку труды основоположника феноменологии были запрещены в Германии); дает уроки философии своим друзьям по заключению.

«Я обязан Карлу Ясперсу моим восхищением немецкой мыслью несмотря на давление обстоятельств, на “террор со стороны Истории”... Но не один Карл Ясперс интересовал меня в течение вынужденного пятилетнего отпуска; я принял за тщательное изучение Хайдеггера. И ещё: я начал переводить “Ideen I” Гуссерля» (Ricœur P. Réflexion faite. P. 20, 21).

После войны Рикёр возобновляет преподавательскую деятельность: сначала — в коллеже в Шамбон-сюр-Линьон (1945—1948), затем читает курс философии в Страсбургском университете (1948—1957) и в Сорбонне (1956—1967), продолжает изучать Гуссерля, анализирует труды Гегеля. В 1950 году он защищает диссертацию, посвящённую феноменологическому анализу воли, а в качестве необходимого («технического плана») приложения соискатель предлагает перевод «Идей-I» Гуссерля, снабжённый обстоятельным введением и комментариями (Ж.Валь и Ж.Ипполит, члены конкурсной комиссии, признали, что этот перевод имеет исключительно важное значение). Тогда же Рикёр публикует труды: «Габриэль Марсель и Карл Ясперс. Философия тайнства и философия парадокса» (1948), «Философия воли. I. Волевое и непроизвольное» (1950), «История и истина» (1955), «Философия воли. II. Конечное и виновность. 1. Человек погрешимый» (1960), «Философия воли. II. Конечное и виновность. 2. Символика зла» (1960), «Об интерпретации. Очерки о Фрейте» (1965), «Конфликт интерпретаций. Очерки по герменевтике» (1969).

«Я выбрал в качестве темы диссертации отношение между волевым и произвольным. Этот выбор удовлетворял нескольким требованиям. Прежде всего он позволял расширить аффективную и волютивную сферу эйдетического анализа операций сознания, которую Гуссерль ограничивал восприятием и — в более широком смысле — “репрезентативными” актами. Продолжая и расширяя гуссерлевский эйдетический анализ, я, не без наивности, надеялся обосновать идеи, в практическом плане противоположные “Феноменологии восприятия” Мерло-Понти. Эта объёмная книга стала для меня открытием после возвращения из плена...»

«Мой интерес, далее, был связан с постижением творчества Габриэля Марселя и экзистенциальной философии... Если Гуссерлю я обязан методологией, обозначенной словами “эйдетический анализ”, то Габриэлю Марселю — проблематикой субъекта, одновременно воплощённого и способного сохранять дистанцию по отношению к собственным желаниям и возможностям, короче говоря, способного быть хозяином самого себя и вместе с тем состоять на службе у необходимости, фигурирующей в виде характера, бессознательного, жизни» (Ricœur P. Réflexion faite. P. 23, 24).

Эпистемологический статус рассуждений о злой воле «содержит в зародыше то, что я впоследствии назову прививкой герменевтики к феноменологии. Чтобы подступить к конкретике злой воли, потребовалось в ходе рефлексии проделать долгий обратный путь с помощью символов и мифов, поставляемых великими культурами... Говоря об обратном пути, я поставил под вопрос общее для Гуссерля и Декарта предположение о непосредственности, прозрачности, аподиктичности Cogito. Субъект, утверждал я, познаёт себя не непосредственно, а только опираясь на знаки, внедрённые в его память и воображение великими культурами. Такая непрозрачность Cogito по существу касается не только злой воли, но всей интенциональной жизни субъекта» (Ibid. P. 29, 30).

В 1967 году, озабоченный кризисом университетского образования во Франции, Рикёр принимает решение перейти на работу в Нантер, где к нему присоединяются А.Дюмери и Э.Левинас. Философы намереваются создать «новый университет», наладив в нём «неотчуждённые отношения» между преподавателями и студентами, которые руководствовались бы древней идеей сообщества, складывающегося между учителем и учеником. Однако в 1970 году Рикёр, декан гуманитарного факультета, во время беспорядков в университете, явившихся отголоском майских событий 1968 года, подвергается физическому насилию со стороны студентов. Ещё ра-

нее он сталкивается с жестким противостоянием со стороны набравшего силу структурализма (новое поколение философов-структуралистов расценило работы Рикёра по герменевтике как «обветшалый спиритуализм»). Рикёр отдаляется от интеллектуальной жизни Франции и ведет преподавательскую деятельность в университетах Лувена, Монреаля, Чикаго. Во Францию он возвращается в 1990 году.

«После “Символики зла” в конце 70-х годов для меня начался период внешней и внутренней борьбы против изменения философских парадигм во Франции... Это время отмечено критикой, ведущейся с разных сторон и направленной не только против экзистенциализма и философий существования, но против всех философий субъекта вообще» (Ibid. P. 32).

«Семиология Ролана Барта, семиотика А.Ж.Греймаса, литературная критика, представленная Жераром Женеттом, имеют то общее, что все они связаны только со структурами текстов и исключают предполагаемые намерения их автора... Язык сводится к функционированию системы знаков, не укоренённой в субъекте» (Ibid. P. 38).

«Моя полемика со структурализмом касается не только судьбы субъекта. Интерсубъективный аспект разговора и референциальная нацеленность языка заслуживают не меньшего внимания. Дискурс есть скорее место переплетения трёх проблематик: проблематики опосредования объективной вселенной знаков, чему соответствует осознание того, что называют раненым Cogito; проблематики признания другого, вовлечённого в разговор; наконец, проблематики отношения к миру и к бытию, включенным в референциальное понимание дискурса» (Ibid. P. 41).

Годы вынужденного отсутствия были для Рикёра весьма плодотворными. Он продолжил изучение философии XX века. Теперь в центре его внимания, наряду с французской рефлексивной традицией, — современная немецкая философия и прежде всего герменевтика Х.-Г.Гадамера, онтология М.Хайдеггера, теория коммуникативного действия Ю.Хабермаса, а также англосаксонская аналитическая философия. Он публикует труды: «Живая метафора» (1975), «Время и рассказ» (т. 1—3, 1983—1985), «От текста к действию. Очерки по герменевтике-II» (1986), «В школе феноменологии» (1986), «Я-сам как другой» (1990). Вместе с тем Рикёр активно сотрудничает с Парижским центром по изучению гуссерлевской феноменологии, в 1974 году становится во главе ведущего историко-философского журнала Франции «Revue de métaphysique et de morale», публикует свои работы в журналах «Esprit», «Christianisme social», «Bulletin de la Société française de philosophie», ежедневной газете «Le Monde» и др.

«В рамках философии языка я попытался провести довольно масштабную работу по проблеме метафоры, начатую в двух очерках в “Конфликте интерпретаций”: “Структура, слово, событие” и “Вопрос о субъекте: вызов семиологии”. Центром этой работы стал феномен семантической инновации, иными словами — производство нового смысла языковыми средствами. В этом отношении семантическая инновация являет собой прекрасный пример творчества, но творчества упорядоченного... Семантическая инновация, анализируемая в “Живой метафоре”, обнаруживает скрытое родство с другими формами упорядоченного творчества, например с построением интриг в нарративном плане; эта связь между метафорой и построением интриги будет показана десятью годами позже в первом томе “Времени и рассказа”» (1983) (Ibid. P. 44–45).

«Я ввёл понятие “человека могущего” (“l’homme capable”) в книге “Я-сам как другой”, являющейся обобщением моих философских идей. Данное понятие я, как и Мерло-Понти, считаю основополагающим, символизирующим принцип способности человека на что-то» (Рикёр П. История и истина. P. 15).

«Философская тема времени от начала и до конца определяет “Время и рассказ”, как свидетельствует порядок слов в названии этого произведения» (Ricoeur P. Réflexion faite. P. 62).

В последнее десятилетие XX века Рикёр пишет труды: «Книга для чтения-1: О политике» (1991), «Книга для чтения-2: Страна философов» (1992), «Книга для чтения-3: На гранях философии» (1994), «Критика и убежденность» (1995), «Интеллектуальная автобиография» (1995), «Справедливое» (1995), «Память, история, забвение» (2000), «Путь признания» (2004) и др. Поль Рикёр — член девяти иностранных академий и Почетный доктор тридцати одного университета мира.

Книга «Память, история, забвение» «стала обобщающим размышлением над проблемами повествовательной деятельности. Актуальность этой темы обусловлена тем, что повествование, рассказ позволяют установить связь с опытом времени, поскольку рассказ разворачивается во времени и повествует о событиях, происходящих во времени, о персонажах, живущих во времени» (Рикёр П. Память, история, забвение. С. 8).

Рикёр неоднократно бывал в нашей стране. В 1970-х годах по поручению Министерства образования Франции он посетил СССР с целью изучения опыта работы советских университетов. В МГУ, где он выступал с лекциями, на него удручающе подействовал крайне догматический характер преподавания. В августе 1993 г. Рикёр прибыл в Москву для участия во Всемирном философском конгрессе и чтения лекций в Институте философии РАН. Он, по его словам, был

потрясён произошедшими переменами, особенно достижениями в области свободы слова; вместе с тем его обескуражили высокие цены и крайне низкий уровень жизни россиян. В дальнейшем Рикёр посещал нашу страну в 1995, 1996 и 2000 гг., участвуя в конгрессах и симпозиумах, читал лекции в Институте философии РАН, Французских коллежах в Москве и Петербурге. На одной из встреч с московскими философами он сказал: «Мне кажется, что между нами установилось подлинное взаимопонимание. И я надеюсь на продолжение наших свободных и доброжелательных дискуссий...».

Поль Рикёр умер 20 мая 2005 года.

«Я знаю, что моё видение проблем ограничено и что другой имеет о них иное представление. Я принадлежу к философствующему сообществу и признаю, что другие видят то, чего я не вижу... И я скажу также, что существуют люди, которые смогут понять то, чего я уже больше не пойму» (Labyrinth. V. 2. Winter 2000).

И. С. Вдовина

Примечания

- ¹ Конкурсный экзамен, проводимый в высших учебных заведениях. Присваиваемое в результате экзамена звание агреже дает право на преподавание в вузе и средней школе.
- ² Dosse F. Paul Ricœur. Le sens d'une vie. P. 42.
- ³ Известия. 1993. 23 окт.
- ⁴ Dufrenne M., Ricœur P. Karl Jaspers et la Philosophie de l'existence. P., 1947.

Понятие этики и морали в учении Поля Рикёра

Учение Поля Рикёра о справедливости, памяти и признании живо воспринимается современной моральной и политической философией. Большой интерес вызывает проводимое Рикёром сопоставление морали и этики, принимающее в его концепции вид фундаментальной дихотомии и имеющее несомненное историческое значение. В самом деле, во второй половине XX в. размышление над вопросами практического характера перерастает в напряженное противостояние двух в равной мере актуальных позиций:

— с одной стороны, это этика жизни в том смысле, в каком ее представляли в античности. Намерение установить основы, стиль и меру «благой жизни» согласуется с желанием включить в этическое размышление вопрос о положении индивида в сообществе и в истории. Впоследствии скажут, что сторонники данной этической позиции настаивают на необходимости *связей*: связей памяти, традиции, привязанности;

— с другой стороны, пересмотр моральных норм в духе модерна. Речь идет о намерении узаконить обоснование и добровольное соблюдение свободно принятых правил. Впоследствии будут говорить, что данная моральная позиция обусловлена потребностью в *законах*, руководящих формированием публичного пространства слова, устанавливающих пределы распространению власти техно-сциентистского подхода.

Первая позиция в различных ее формах поддерживается феноменологической и герменевтической философией: она развивается в русле тенденции, берущей начало в творчестве позднего Гуссерля, восстановившего в правах «жизненный мир», обогащается разработ-

ками Ханса-Георга Гадамера в сфере культуры, дополняется размышлениями Ханны Арендт по проблемам политики. В свою очередь этика получает тройной импульс: это идеи, обретшие новую жизнь в учении Эмманюэля Левинаса, эвристика страха, разработанная Хансом Йонасом, и этико-политическая концепция, в основании которой лежит феноменология действия Поля Рикёра.

Вторая позиция в различных формах использует вклад критической философии. Странники этой точки зрения следуют по пути возврата к Канту либо переосмысливают наследие Канта с целью утверждения гуманизма нового типа и нового обоснования модерна. Начало этой тенденции было положено в Германии этикой дискуссии Карла-Отто Апеля и Юргена Хабермаса, во Франции — движением за возвращение к Канту и реабилитацию модерна, в Соединенных Штатах Америки — отчасти Джоном Ролзом с его процедурной версией концепции общественного договора. В целом речь идет о том, чтобы заново обосновать идею практического разума, причем такое обоснование признается необходимым в перспективе новой универсальной этики как волеизъявления планетарного масштаба, нацеленного на создание общих ценностей.

Отдавая дань Полю Рикёру, мне хотелось бы напомнить о том, каким образом он различал этику и мораль, телеологию и деонтологию, самооценку и самоуважение. Затем я покажу, что мораль Канта не является репрессивной, а, напротив, предполагает обращение к философии жизни. В завершение я буду говорить о значении темы *признания* в учении Поля Рикёра.

I. Смысл различения этики и морали

В книге «Я-сам как другой»¹ Рикёр обосновывает от имени жизни, точнее от имени «благой жизни», целесообразность установленного им различия между этикой и моралью. Он признает несомненное *преимущество* позиции Аристотеля, укоренившего этику, вопрос о благой, или добродетельной, жизни, в жизни как таковой, поскольку именно в жизни берет начало обусловленность желания, стремления. И напротив, он считает, что мораль, как ее понимал Кант, то есть его концепцию категорического императива, возможно определить и обосновать лишь опосредованно: аргументом в пользу этого утверждения является то, что мораль всегда понимается в связи с насилием, то есть с нарушением нормы или злоупотреблением властью.

Следовательно, Рикёр призывает нас выйти в философском плане за пределы морали с целью осмысления этики. Он дает политическое обоснование первенству этики по отношению к морали²: в плане демократической политики необходимо дать полную свободу убеждениям, поскольку для того, чтобы стремление к благой жизни стало этическим в полной мере, оно должно содержать отношение «вместе с другим и ради других в условиях справедливого общественного устройства».

1. Этичность «благой жизни»

Для того чтобы после данного краткого введения перенести обсуждение в плоскость обоснования этики, следовало бы напомнить важнейшие аргументы Рикёра.

В книге «Я-сам как другой» Рикёр стремится обосновать различие между этикой и моралью с позиции феноменологии действия, более внимательной к «Я», чем нормативный универсализм: «Я буду называть этикой стремление к совершенной жизни, а моралью — соединение этого стремления с нормами, характеризующимися одновременно и притязаниями на универсальность, и принудительностью» (р. 200). Таким образом, речь идет о том, чтобы установить различие между целеполаганием и нормой, между Аристотелем и Кантом как основоположниками двух разных традиций практической философии — телеологической, с одной стороны, и деонтологической, с другой. Рикёр отстаивает тезис, согласно которому «мораль создает возможность лишь для ограниченного, хотя и правомерного и даже обязательного исполнения этического намерения, и в этом смысле этика включает в себя мораль» (ibid.). Иначе говоря, с точки зрения этики универсальность — это лишь частичное решение, поскольку «самооценка более фундаментальна, чем самоуважение» (р. 201) и ценностное относится к более высокому уровню, чем нормативное. Следовательно, понятие благой, совершенной, успешной жизни может быть преобразовано на основе соотношения идей Аристотеля с концепцией повествовательной целостности «Я». Этика благой жизни становится одновременно и аристотелевской, и рикёровской.

Так, например, понятие «благая жизнь», являющееся этико-культурным, а не биологическим, означает возможность выбирать между различными «образами жизни» (например, между удовольствием и умозрением). Поскольку человек имеет собственную задачу, можно говорить о «жизненном плане», что позволяет по-новому интерпретировать «*phronēsis*» («рассудительность») Аристотеля как исправле-